

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Крестовые походы

ЦЕНТРОЛИТРАФ

Оливия Кулидж

Крестовые походы

«Центрполиграф»

Кулидж О.

Крестовые походы / О. Кулидж — «Центрполиграф»,

Увлекательное повествование о наиболее ярких эпизодах движения, возникшего тысячу лет назад и длившегося четыреста лет. Как оно изменило границы мира и его обычаи. Как повлияло на развитие трех цивилизаций – восточно-христианской, западно-христианской и мусульманской.

Содержание

Введение	5
Император	7
Папа	10
Проповедник	12
Мечтатели	16
Завоеватели	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Оливия Кулидж

Крестовые походы

Введение

Невозможно в нескольких коротких рассказах представить полную картину движения, действовавшего почти четыреста лет и затронувшего три цивилизации – средневековую христианскую, греко-христианскую и мусульманскую. Каждому писателю-беллетристу, выбравшему тему крестовых походов, приходится выбирать и дальше.

О чем же, в таком случае, стоит рассказать? Ответ напрашивается сам собой – остановиться на успехах крестовых походов. Но историки тут же поспешат убедить нас, что таковые отсутствуют. Созданное на Востоке государство оказалось недолговечным и не оставило после себя существенного следа. Контакты между Востоком и Западом, завязавшиеся в результате возникновения этого государства и даже военных столкновений, были менее плодотворны, чем соприкосновение двух культур на Сицилии или в Испании, где они веками сосуществовали рядом. И торговля процветала не благодаря крестовым походам, а скорее вопреки им.

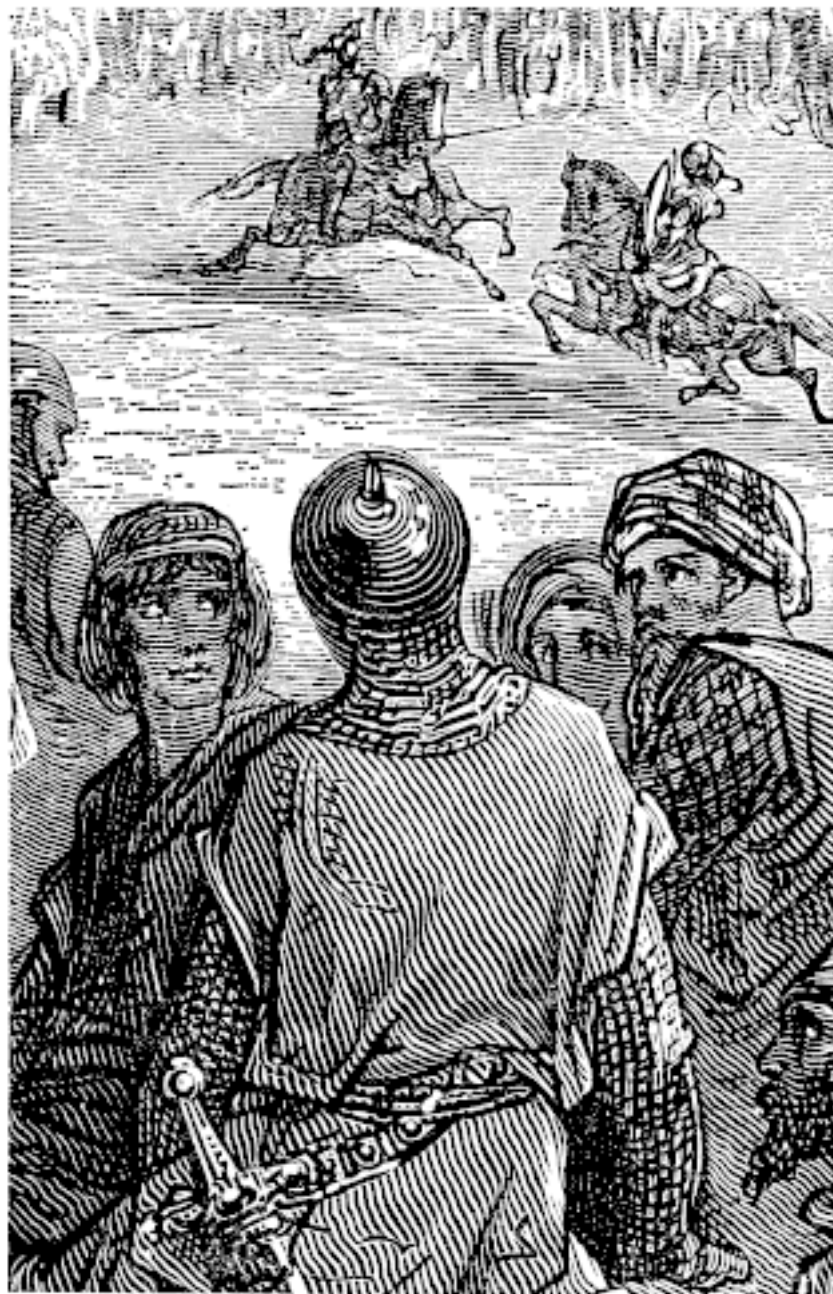
Крах Византийской империи и общее разочарование папством и церковью историки, по-видимому, считают серьезными отрицательными результатами. Но при внимательном изучении их связь с крестовыми походами оказывается сомнительной. В начале того периода Византийскую империю донимали и мусульмане с Востока, и христиане с Запада, и трудно себе представить, что она могла бы просуществовать долго, даже если бы крестовых походов вовсе не было. Разграбление Константинополя во время четвертого крестового похода нельзя не считать великой трагедией, но нельзя возлагать на крестоносцев всю вину за уже происшедшие разрушения. Точно так же справедливо, что папы находили удобным подчинить армию церкви. Очень скоро им захотелось использовать ее против германских императоров и других правителей, тем более что в то время не существовало ясных различий между политическими и религиозными притязаниями. Эти действия навлекли на папство и крестовые походы дурную славу. Более того, папы сочли возможным за плату освободить крестоносцев от их обетов и создать более эффективное наемное войско. Ведь далеко не всякий паломник был воином. Тем не менее условия, извратившие идеальный план папы Урбана, возникли бы и без крестовых походов. Светская и церковная власти непременно пришли бы к конфликту, который заставил бы церковь действовать ничуть не лучшими методами, чем те, что использовали ее противники.

Не следует ли нам, в таком случае, оценить крестовые походы как ошибочное движение, которому за весь период его существования не удалось оставить заметный след (разве что ислам после крестовых походов стал более воинственной и менее терпимой верой, чем был прежде). Однако такое решение кажется несправедливым по отношению к громадным усилиям, которые несколько столетий прикладывал Запад, и особенно Франция.

Что нам действительно следует сделать – это не думать о том, что могло бы случиться, а внимательнее приглядеться к тому, что действительно произошло. За время крестовых походов Запад тесно вошел в контакт с Востоком, разрушил Константинополь, разочаровался в папской власти, его доверие к церкви пошатнулось. Эти события произошли за время крестовых походов, хотя могли случиться в иное время и иным путем. В крестовых походах люди щедро расточали свою веру и энергию, проявляли жадность и глупость. Крестовые походы вошли в историю не потому, что достигли своей цели или непреднамеренно привели совсем к другим результатам, а потому, что с их помощью средневековый мир решал свои проблемы.

Это позволяет нам взглянуть на крестовые походы с точки зрения реалиста. Что с их помощью намеревались сделать люди и как изменялись эти намерения по прошествии веков?

Сколько веры и отваги и в то же время эгоизма было в них вложено? Совершенно недостаточно просто оглянуться на крестовые походы из нашего времени и тут же забыть о них, заявив, что их причины были несостоятельными, а последствия оказались отрицательными. История – это рассказ о событиях, а не о том, что мы о них думаем. Крестовые походы олицетворяли дух Средних веков, они становились другими с изменением этого духа и прекратились вместе с его угасанием. Таким образом, они составили часть узора, который без них выглядел бы совершенно иначе. После них история изменилась, поскольку в Средние века общественная ситуация развивалась через крестовые походы, а не какой-либо другой идеал.

Император 1094 год

В Константинополе дул ветер, порывами нагоняя с запада облака, которые неслись, словно отряды вторгшейся армии. Ветер кружил вокруг башен на широченных тройных стенах города, перелетал через них, мчался вдоль гребня, со свистом проносился через сводчатые галереи сказочных торговых рядов, принуждая горожан натягивать на уши отороченные мехом шляпы. Императору римлян, ехавшему верхом по улицам города в составе процессии, направлявшейся в церковь Богородицы, приходилось сносить удары ветра как простому смертному. Ветер рвал его одежды из шелковой парчи и даже пытался сбросить тяжеленный головной убор, украшенный драгоценными камнями и жемчужинами размером с голубиное яйцо. Алексей Комнин стойко, как положено солдату, выдерживал эту атаку, лишь моргая, когда от холода накатывала слеза. Трусивший на белом осле патриарх, епископ Божий, придерживал свое облачение, стараясь не дать ветру поднять его выше колен.

В церкви Алексея приняли монахи, служившие Богородице. В это время ветер, сбросив с крыш несколько черепиц и окунув в сточные канавы несколько шляп, с ревом устремился через проливы в Малую Азию. Он скрылся на широкой дороге, давным-давно проложенной персидскими царями, а затем тысячу лет принадлежавшей римским императорам. Теперь эта дорога была потеряна для Римской империи, а с ней и земли, к которым она вела: прославленная святым Павлом Малая Азия; родина Христа; святой Гроб Господень; другие, еще более далекие, когда-то христианские земли. Эти края стали мусульманской территорией, и уже над ней ветер двигал свои облачные войска, оставив в зловещей тишине Константинополь, в прошлом столицу половины мира.

Лишь к полудню вернувшийся из церкви Алексей дал аудиенцию в восьмиугольном тронном зале, где пол был выполнен из порфира и ценного мрамора, украшен яркой мозаикой и сверкал под огнями огромных золоченых люстр. Пламя бесчисленных свечей сияло на позолоченных стенах и мерцало на золотых львах и грифонах, охранявших стоявший в арочной нише трон. Алексей сидел совершенно неподвижно, сложив руки на коленях, настолько закутанный в шелковую парчу, сверкающую золотыми нитями, настолько усыпанный драгоценными камнями, что мог бы показаться частью трона, если бы не темные глаза, выступающий клюв носа и короткая черная борода.

Камергеры ввели варваров, приблизительно человек двадцать, довольно молодых, но выдавших виды, с нестриженными, ниспадающими на плечи волосами и светлыми усами. В соответствии с полученными инструкциями, подойдя к красному кругу, они опустили на

колени и склонили головы. И словно по сигналу золотые львы подняли хвосты и зарычали, а грифоны засвистели и захлопали крыльями.

В полном смятении варвары вскочили на ноги. Их молодой вождь, носивший золотую повязку, потянулся к поясу за оружием, но его там не было. Однако, увидев, что звери не двигаются с места, он бросил взгляд на воина-варвара с топором, стоявшего рядом с тронном, будто ожидая подсказки.

Глаза стражника поймали взгляд молодого человека и скользнули в сторону, остановившись на втором, зеленом, круге на полу, на котором должно было происходить второе действие отдания почестей. Успокоившись, молодой человек сделал несколько шагов вперед и снова преклонил колени. Спустя мгновение за ним последовали остальные. Сразу наступила тишина, и золоченные чудовища замерли в первоначальных позах. Варвары поклонились еще раз, и в тот же миг на золоченом дереве справа от трона задвигались и защебетали птицы.

Молодой человек поднялся на ноги и посмотрел на дерево. Чего только не слышал он о самом могущественном городе земли, но оказался не готов узнать, что секреты рая здесь известны и неодушевленные твари двигаются и издают звуки. В третьем, золотом, круге его колени сами собой подогнулись, и он склонил голову до самого пола.

Птицы замолчали, но раздалось гроыхание. Молодой вождь опасливо поднял глаза, и рот его раскрылся, придав лицу довольно глупое выражение. Напротив находились семь ступеней, ведущих к трону. Рядом с ними стоял стражник с топором на плече. По обе стороны располагались придворные сановники в блестящих одеждах. А золотой трон и император исчезли.

Стражник с топором бросил взгляд вверх, и молодой человек обнаружил императора под потолком, вероятно парившего в воздухе. Алексей сидел там неподвижно, как и прежде, устремив глаза на Богоматерь, изображенную на противоположной стене.

Молодой человек был поражен. Он добросовестно вызубрил все, что требовалось сказать, но ему пришлось сильно запрокинуть голову, и от этого говорить с человеком, находившимся так высоко над ним, было неудобно. Молчание затянулось, но никто не двигался. Ждали придворные, совершенно неподвижно сидели золоченные звери и птицы. В конце концов, молодой вождь сглотнул и откашлялся.

– Я, Свейн, сын Эдгара, сына Моркара, бывшего до прихода Завоевателя графом Нортумберлендским, пришел сюда с этими моими телохранителями, чтобы поступить на службу в вашу варяжскую стражу.

Он говорил по-саксонски, а один из камергеров позади него переводил его слова на греческий. Не удостоив его взглядом, император лишь слегка кивнул. Белый шелковый занавес опустился перед нишей, полностью скрыв ее от глаз. Свейн и его сопровождающие, неуклюже пятясь и низко кланяясь, вышли из зала приемов.

С таким достоинством император всегда держался на аудиенциях. В своих личных покоях, не менее богатых, он не производил того же впечатления. Алексей Комнин был невысок, коротконог и широкоплеч. Лицо его теперь, когда ему было позволено иметь какое-либо выражение, выглядело усталым. Под глазами набухли мешки, лоб прорезали морщины, однако седина еще не тронула ни волос, ни бороды. Он уселся на стуле со спинкой, а ближайшие советники – его брат Исаак, патриарх и главный дворецкий – сели на скамьях.

На Алексее было яркое платье, почти такое же великолепное, как то, что он надевал для приема. Однако одежда придворных, красиво блестевшая в свете золоченых люстр, теперь оказалась довольно грязной на подоле и вытертой на локтях. Эта церемониальная одежда хранилась во дворце и выдавалась придворному лишь на время официального визита. Главный дворецкий продолжал носить платье своего отца, которое было ему мало. Исаак Комнин немного усох с возрастом, и его платье казалось мешковатым.

– И это величайший город мира, – жаловался Алексей, – город с миллионным населением. А мне, императору римлян, приходится принимать внука мелкого саксонского вождя, и зачем? Чтобы он привел двадцать человек служить в мою стражу.

Это замечание никому не адресовалось, поэтому лишь Исаак, самый привилегированный из присутствующих, осмелился ответить.

– Прошло почти тридцать лет, – сказал он, предварив свое заявление официальным поклоном в сторону брата, – с тех пор, как Вильгельм Норманн завоевал Англию. В нашей страже служит много саксов, но они постарели. Эти молодые люди, рожденные в изгнании, будут последними рекрутами из Саксонской Англии. Несколько лет ни один скандинав не поступил к нам на службу. За золото их больше не купишь.

– Я натравил наших врагов друг на друга, – со вздохом произнес Алексей, – и выиграл для нас хоть какую-то передышку. Мы должны защищаться, или нас завоюют. С севера на нас давят племена варваров. На западе – болгары. Норманны захватили у нас Италию и вторглись в Грецию. Тем временем в Малой Азии, у самых наших ворот, стоят турки. Я должен получить людей!

Он посмотрел на патриарха, и тот какое-то время теребил бороду, удивляясь, что с ним консультируются по военному вопросу. Тем не менее, поклонившись императору, он ответил, как подобало его положению:

– Наш город принадлежит Божьей Матери, чья милость нас охраняет. С нами Истинный Крест и неисчислимые святые мощи. Разумеется, Господь будет сражаться на нашей стороне!

– Даже армия Господа, – сказал Исаак, дождавшись взгляда брата, разрешающего говорить, – сражается человеческими руками. Милость Божьей Матери не смягчит неверные сердца. – Он помолчал и хмуро добавил: – Мы потеряли возможность набирать людей в Малой Азии.

Это было так очевидно для главного дворецкого, знавшего толк в военных делах, что он тяжело вздохнул. Однако Алексей, главный военачальник, не согласился.

– Мать Божья и Истинный Крест найдут нам людей, а святые придадут им силу. Я думаю попросить добровольцев у папы римского.

– Он не истинный епископ Рима, – быстро произнес патриарх, – а еретик и раскольник. Алексей пожал плечами:

– С этим разрывом можно покончить. О чем идет речь, кроме латыни, языка неуклюжего до такой степени, что римский епископ запинается при определении таинств Господа? Я уверен, что этот Урбан, выгнанный из Рима враждующими партиями и даже не признанный папой на той территории, которую германцы называют Римской империей, будет очень рад отделаться от части энергичной знати. Он уже посылает их сражаться с неверными в Испанию, называя это священной войной.

– Не существует никаких священных войн! – вскричал возмущенный патриарх.

– В самом деле не существует. Но в глазах Божьих не лучше ли защищать христианство от языческого воинства, чем убивать соседей-христиан? Вражда этих варварских народов никогда не кончится, их мужчины появляются на свет, чтобы воевать. Кроме того, папе Урбану, наверное, важно примириться с истинной церковью.

Патриарх, более искусный по части споров, взглядом выражал сомнение, но Алексей и не думал позволить ему возразить.

– Я направляю мое посольство, – сказал он. – Так как речь идет об очень деликатном обсуждении, то я сам его проинструктирую.

Исаак вздохнул. Посольства Алексея славились ловкостью, с которой они достигали своей цели, но, когда опасность торопила, посланцы двигались слишком медленно.

– Какие силы сможем мы собрать для весенней кампании? – спросил он.

Папа 1095 год

Адемар, епископ из Пюи, попал в число счастливицков, получивших комнаты в Клермонском монастыре, который, хотя и имел огромные площади, не смог вместить двести пятьдесят старших священнослужителей Франции и всех их сопровождающих. Многих аббатов поселили в домах богатых купцов и даже просто скромных торговцев. Город был настолько переполнен, что младшие служки радовались, если им вообще удавалось получить постель, а представителям знати, прискакавшим из отдаленных замков поглазеть на папу Урбана, пришлось ночевать в палатках, несмотря на ноябрьские холода.

Урбан намеренно поместил Адемара поближе к себе, поскольку вынашивал грандиозный план и нуждался в помощнике. Трудно было найти человека надежнее Адемара, тактичнее его, более способного к восприятию возвышенных проектов, более мудрого и осторожного. Эти двое были старинными друзьями, к тому же теперь их связывала общая тайна, поэтому не прошло ни одного дня великого собора, чтобы между ними не состоялась приватная беседа.

Если правда вообще стала известна, то эти разговоры мало что решали, поскольку Урбан все обдумывал до встреч с Адемаром. На самом деле задача епископа, видимо, заключалась в том, чтобы просто подбадривать своего друга, на котором тяжелым бременем лежала обязанность принимать решения.

– Кто бы мог вообразить, – сказал Адемар в последний вечер, – лишь несколько лет назад, что эти французские епископы осмелятся объединиться с вами и отлучат от церкви собственного короля!

– Он безбожник, – заявил Урбан, с недобрим чувством вспоминая историю своей ссоры с королем Филиппом. – Его прелюбодеяние – чудовищно.

Он подвигал ногами в камышинках, покрывавших холодный каменный пол, и с горечью подумал о том времени, когда он был монахом и презирал мирские удобства. Теперь он стал чувствовать холод, и перед отходом ко сну ему нужно выпивать чашу подогретого вина. Он сделал глоток, разрываясь между удовольствием и негодованием.

Адемар отставил в сторону свою чашу и нагнулся вперед понюхать неровно горящую свечу. Это был круглолицый человек с мягкими манерами, медленной речью и невзрачной внешностью. Возможно, чтобы возместить этот последний недостаток, он вел себя по-светски, довольствуясь ролью важного сеньора, а не духовного лица. Взглянув на эту пару, никто бы не подумал, что из них двоих именно Адемар в духе романтической преданности бросил все и совершил паломничество в Иерусалим, из которого ему посчастливилось вернуться живым.

Тем временем папа Урбан, последователь святого Бруно и сам обладавший красотой святого, боролся с неотесанными королями, политическими методами отстаивая интересы Божьего дела и могущество его церкви.

Они улыбнулись друг другу, чувствуя взаимное расположение. Каждый из них находил в другом качества, которыми ему хотелось бы обладать.

– Бог по-прежнему действует в этом мире, – мягко произнес Адемар. – Завтра мы увидим тому подтверждение!

Усталым движением папа откинул великолепную голову на спинку стула.

– Все христиане грешат, – твердо вымолвил он, – никого нельзя считать праведником. Они бы служили хорошо, если б Господь укрепил их дух.

Страх толпы внушил ему это замечание, интуитивно почувствовал Адемар. Папа так долго лелеял свой великий план, так тщательно его готовил, так осмотрительно прощупывал вождей и драматично объявлял большую речь, что воображение уже рисовало ему полный провал. Адемар остался спокоен, он удержался и не стал предлагать поддержку святой Марии из Пуи и других святых.

– Как хорошо, – прозаично заметил он, – что у вас такой громкий голос и вы родились во Франции. Я могу говорить так, чтобы меня поняли в соборе, но пасую перед громадной толпой на открытом воздухе. Вся страна собралась здесь: бароны, разносчики, нищие в отряпках, бедные крестьяне, которые до этого дня никогда не удалялись от дома даже на пять миль. Из-за объявленного церковью перемирия пришли помолиться даже известные разбойники, до которых дошел слух, что папа даст им отпущение грехов.

– Так и будет, – энергично подтвердил Урбан. – У Господа найдется работа для всех, кто готов свернуть с греховного пути. Но скажи мне, Адемар, присоединятся ли могущественные сеньоры? До крестьян мне дела нет!

– Вы же получили слово Раймонда, графа Тулузского. Куда бы он ни повел, за ним последуют многие.

Урбан, соглашаясь, кивнул:

– Слава Богу и всем его святым. Завтра я раскрою народу наш великий замысел.

– Так хочет Бог! – воскликнул Адемар, и его черные глаза сверкнули на непримечательном лице.

Папа поймал его взгляд и кивнул:

– Истинно говоришь, так хочет Бог.

Проповедник 1095 год

У Маленького Петра бывали видения. Богоматерь, например, являлась ему точно в таком виде, как ее изобразили на картине Судного дня, висевшей в церкви его детства, где он прислуживал на мессе грязному и старому священнику и вообще был ему слугой. Она явилась Петру там во сне и сказала: «Вставай, Петр, и ступай за мной». Он тотчас встал и вышел из лачуги священника, где спал среди свиней. После побоев у него болело все тело, но он последовал за Марией. Божья Матерь вела его окольными путями, защищала, поэтому его не схватили и не вернули обратно как бежавшего раба. В конце концов, он сам поставил себе хижину у Сен-Гобена, недалеко от Суассона, и стал жить отшельником, выходя просить хлеб на большую дорогу. Здесь Мария снова говорила с ним, и не однажды, а очень часто. Как правило, ее голос звучал нарушая течение его собственной мысли и сообщая, например, что портрет в церкви Сен-Гобена совершенно на нее не похож.

Часто его видели в соседних деревнях, потому что, хотя он знал «Отче наш», «Аве, Мария» и отрывки из мессы на латыни, его тяга к Богу требовала постоянного действия. Поскольку он никогда не мылся и довольствовался грубой одеждой и слишком большим для него старым плащом, а ноги зимой обвязывал тряпками, то местные крестьяне считали его своим, только более благочестивым, чем они. Петр никому не отказывал в совете, основываясь иногда на собственной проницательности, но иногда на велениях Богоматери, звучавших в его голове с обычной внезапностью.

Таким же способом Матерь Божья велела ему призвать проклятие на голову одного недоя, ограбившего и убившего на большой дороге старого разносчика. Под ее воздействием Петр настолько красноречиво описывал муки ада, виденные им на картинах в церкви, что с двумя женщинами тут же случилась истерика, а еще несколько человек покаялись в грехах, о которых до того момента никто и не слыхивал. Правда, убийца не сознался, но вскоре сама Дева Мария его наказала. Менее чем через три месяца через деревню пронеслась чума и забрала с собой несколько человек. Среди них оказался убийца, в бреду признавший свою вину и умерший, не приходя в сознание.

Этот случай принес Петру великую славу, он начал проповедовать на рынках и у ворот городов, расположенных в радиусе двадцати миль. Дар красноречия, которым наградила его Богоматерь, не пропал, а видения расширили первоначальные границы. На его пути встречалось много церквей, все они были ярко расписаны. Его внутренний глаз выбирал святого или

демона и сообщал Петру, что это изображение совершенно достоверно. Таким образом, мир Петра наполнился золотом и славой, огнем, серой и адскими чудовищами.

Вскоре о Петре распространилось множество легенд. Он совершил немало чудес, и его импульсивность порождала все новые и новые слухи. Рассказывали, например, как он, проповедуя у ворот Суассона, увидел выезжавшего через ворота бедняка на осле. Прервав свои речи, Петр подошел к нему, взял поводья и помог владельцу спуститься на землю. Затем он сам забрался на спину ослу, поблагодарил Богоматерь за подарок и, благословив хозяина, озадаченно глазевшего на него, уехал восвояси.

После этого территория странствий Петра еще больше расширилась, а его осел стал почти так же знаменит, как и он сам. В самом деле, Петру вскоре пришлось собрать группу учеников, которым в обязанности вменялась, в числе прочих, защита несчастного животного, поскольку широко распространилось верование, что волос из его хвоста не только спасает от болезней плоти, но, вероятно, хотя в этом убежденности было меньше, дает право на вход в царствие небесное.

Папа Урбан посмотрел на окружающий его мир и обнаружил, что он скверен. Маленький Петр сделал то же самое открытие. Не имело значения, скольких человек он побудил к покаянию, все равно дьявол оставался могущественным, как никогда раньше. Повсюду царил грех, грубый, грязный, жестокий, и мир был полон отвратительных вещей. Как всегда, внезапно Богоматерь запретила ему проповедовать об аде и приказала направлять взгляды людей на золотые башни рая. Когда Петр ей подчинился, прежняя его аудитория разошлась. Чтобы делать добро, люди должны были бояться, потому что представляли себе ад, но не представляли рая.

И снова Петр стал бродить в одиночестве, сомневаясь в своем пути. Он находился в самом центре Франции, когда аббаты и епископы начали съезжаться на большой Клермонский собор. Их процессии обгоняли Петра на дороге, и слуги говорили ему, что сам папа собирается огласить свой ответ мировому злу. Притягиваемый этим магнитом, Петр последовал за ними.

В толпе любопытствующих, стекавшейся к Клермону, запах немытого тела Маленького Петра и вытянутое лицо, напоминавшее его осла, не производили впечатления. Здесь встречались святые люди любого сорта: знахари, прорицатели, проповедники, и многие из них собирали вокруг себя группы последователей. Маленький Петр прибыл без шума и, расположившись вместе с ослом на клочке общинной земли, наблюдал за сооружением в чистом поле помоста для папы Урбана. Он смотрел, как сопровождавшая папу процессия князей церкви, не менее красочная, чем любая картина в церкви, змейкой выползала из восточных ворот.

Урбан Второй походил на святого Петра, чьи изображения его маленький тезка видел во многих церквях. Голос папы доносился до самого дальнего уголка поля, словно звук трубы. Есть такой город, город римлян, выкрикнул папа, который мог бы сравниться с самим Иерусалимом. Он окружен тройной золотой стеной, а за ней – святые мощи, Истинный Крест и несчетные церкви. Неверные стоят у его ворот. Петр уже это знал, поскольку паломники время от времени отправлялись в страну, где распяли Спасителя и где его родила Дева Мария. Некоторые из них возвращались, вырвавшись из когтей смерти, и приносили истории. Никогда до речи папы Урбана эти рассказы и видения Петра не сливались в единое целое.

Они должны отправиться в Иерусалим, сказал папа Урбан, чтобы отвоевать, вернуть себе эту страну, где язычники теперь убивают христиан, жгут церкви и оскверняют святые реликвии самого Бога. Да станут разбойники воинами Христа. Да станут наемники, сражавшиеся за золото, биться во спасение. Да станут все, кто нападал на своих братьев-христиан, разить врагов Божьих.

– Приведите в порядок ваши дела! – кричал папа Урбан. – Не откладывая, принимайте обет и отправляйтесь по домам собирать все необходимое. Как воинам Христа вам будут отпущены грехи, а те, кто погибнут в сражении, отправятся прямо в рай. Те, кто останутся в живых,

получат не только небесное, но и земное вознаграждение, ибо возьмут в землях неверных богатую добычу. Тем временем я беру под свою защиту ваш домашний скарб, и никто не сможет причинить вам вред в ваше отсутствие.

– Так хочет Бог! – вскричал Адемар де Пюи, и все стоявшие рядом подхватили его крик, и он откликнулся в каждом уголке обширного поля.

– Так хочет Бог! – кричал Маленький Петр, чьи глаза застилало туманное видение башен Иерусалима – ослепительно золотых, будто солнце на небе, райских башен.

На помосте Адемар преклонил колени перед папой, испрашивая разрешения отправиться в путь. Папа с радостью дал разрешение и провозгласил Адемара вождем войска. Затем он преподнес ему сделанный из белого шелка крест – прикрепить на мантию.

Другие стали проталкиваться вперед к помосту: впереди – знать, за нею следовала обслуга, а после – простой люд. Не всем удалось подняться по лестнице, но папские слуги вынесли корзины с крестами, служившими знаками, что их носители дали обет сражаться в армии Божьей. Так велико было давление добровольцев, что кресты быстро закончились. Люди резали материю, обтягивающую помост, навес над ним и плащи людей, отдавших их для этой цели. Кресты эти были всех цветов, шелковые и бархатные, из тонкого полотна и грубые, домо-тканые. Петр получил крест из горностая, вырванный из подкладки плаща богатого вельможи. Он держал крест в руке, поскольку у него не было заколки, но вскоре одна женщина крепко его пришила, чем утвердила его вступление в Божью армию. И Петр, отмеченный знаком Бога, пошел направлять взгляды людей к золотым башням рая, как велела Дева Мария.

Мечтатели *1096–1097 годы*

В апреле участок был вспахан. Эта работа приносила крестьянам мало пользы, потому что хозяин был скуп и никогда не кормил обедом, скорее он мог отпустить их домой в полдень. В прошлом году перед сбором урожая был голод, а в этом они уже теперь испытывали нужду. Женщины выходили искать листья одуванчиков и выкапывали дикий чеснок. Кривой Жан повез на рынок поросят, решив продать их по любой цене. Лучше было не думать, что станется с семьей, когда придет Михайлов день.

Алиса ждала его на закате, но городок находился не близко, за землями замка и монастырем. Огонь она разводила лишь по воскресеньям и поэтому дала сыновьям только хлеба, а Берту покормила грудью. Они легли на солому, но без Жана Алиса мерзла. Она знала, на что он способен, когда рядом есть пивная, а в кошельке – пара монет. Ее мучила мысль, не стоило ли послать с ним Робера или пойти самой и оставить Берту с мальчиками.

Возвращаясь рано утром из города, Жан увидел Алису и старшего сына Робера, собиравших хворост.

– Брось это, Алиса, – сказал он ей. – Нам больше не нужно разводить огонь. Мы отправляемся в Иерусалим. Я вернулся за вами.

– Ты пьян, – угрюмо отозвалась Алиса, почувствовав беду.

Жан не обратил внимания на ее слова. Его светло-голубые глаза неотрывно глядели на далекое солнце, поднимавшееся над горизонтом во всем своем великолепии.

– Иерусалим, – произнес он, – место, где Господь Бог восседает на троне рядом с Девой Марией и все сияет золотом. Молочные реки текут там по улицам, Алиса, а хлеб растет, как фрукты. Никогда никакого голода.

– Ты с ума сошел! – вскричала ошеломленная Алиса.

– Я встретил человека, – медленно, как обычно, сообщил Жан, – святого человека в длинном плаще, верхом на осле. Он берет нас с собой в Иерусалим, и, когда мы туда попадем, все будем ходить в золотых коронах и жить как князья. Ты получишь платье из розового шелка, Алиса, как у жены нашего сеньора.

Алиса заметно заколебалась. Ничего, что показалось бы ей слишком неправдоподобным, она не услышала. Это известно всем – Бог живет в раю с Иисусом, Марией, Михаилом и ангелами. Раньше она не знала, что туда можно попасть – дойти, доехать, – но, наверное, близился конец света. Опустив глаза, она посмотрела на свое платье из грубой домотканой материи,

обтрепанное в подоле, залатанное на коленях, в котором она и работала, и спала. Медленно, неумело, будто никогда не делала этого раньше, Алиса улыбнулась.

– Синее, – сказала она. – Синее, как у святых в церкви.

Жан кивнул.

– Значит, синее, – согласился он. – Сам я надену зеленое платье, отороченное мехом.

Если бы послушаться Жана, то им следовало пойти домой, взять Берту с Бартольфом и немедленно отправиться в путь. Но Берта еще не умела долго ходить, и нужно было захватить с собой муки и горшок для готовки. Алиса считала, что дорога может занять несколько дней.

– Нам необходима повозка, – решительно сказала она.

Погруженный в свои мысли, Жан не сразу понял, что ей нужно, но потряс головой и заставил себя очнуться. Разве что продать старую свиноматку? Те гроши, которые удалось выручить за поросят, он отдал нищему, не думая, что они им понадобятся. Когда Алиса спросила, чем они будут питаться в путешествии, он озадаченно почесал лохматую голову и ответил, что это не важно. Если они умрут, то еще скорее попадут в Иерусалим. Затем он подумал еще немного.

– Но лучше бы увидеть Иерусалим живыми глазами, – заключил он.

В конце концов, все они отправились на рынок: Алиса с Бертой на руках, Жан с мукой и горшком для готовки и мальчики, прутьями подгонявшие свинью по дороге. Алиса с Жаном надели сыромятную обувь, а дети пошли босиком. Дома у них не осталось никакой утвари, кроме кормушки для свиней, лопаты, грабеля, резака и веревки для связывания хвороста. Всю одежду они носили на себе. Стояла весна, и ночи становились все теплее.

Они собирались продать свиноматку, здоровое животное, которое хорошо поросилось. На рынке они оказались в толпе крестьян, съехавшихся со всей округи и тоже что-то продававших. Всем были нужны повозки, и никто не хотел свинью, хотя бы и очень хорошую. Что касается осла или вола, то их здесь вообще не было ни одного.

Жан колебался, всматривался в далекий горизонт и, вздыхая, опускал глаза. Рядом с ними появился разносчик с повозкой, шатким сооружением на двух колесах, достаточно большим для мешка с мукой, горшка для готовки и малышки Берты, если, конечно, расположить их теснее друг к другу. Был и пес, чтобы тащить повозку, огромное пятнистое существо, напоминавшее мастифа. Жан рассеянным взглядом окинул экипаж, и внезапно у него перехватило дыхание. У пса была черная морда и довольно темное туловище, но спереди, на груди под ошейником, он был помечен белым крестом.

– Мою свинью за твою собаку и повозку, – доверительно предложил он разносчику, не сомневаясь, что Господь придержал это животное именно для него.

Разносчик поторопился согласиться. Собаку он украл, и совсем недавно видел в городке ее хозяина. Жан погрузил на повозку муку, горшок, ребенка и повел пса к Иерусалиму. Солнце перевалило за полдень.

Пару часов спустя колесо ударилось о камень и отлетело. Инструмент, необходимый для ремонта, у Жана отсутствовал, да и кузницы поблизости не было видно.

Они сели у дороги и стали ждать, пока Господь им поможет; дети расспрашивали об Иерусалиме, интересовались, как долго еще туда идти. Через какое-то время из-за поворота появилась повозка, запряженная волами, с наклепанным на борту красным крестом и чернобородым крестьянином, управлявшим экипажем.

Подъехав ближе, он остановился и окликнул их. Назвавшись Вальтером, он сказал, что едет в Иерусалим.

В повозке находилась его жена, и ей была нужна женская помощь.

Алиса забралась в повозку и стала на колени. Затем с сердитым видом она подняла голову.

– Как это похоже на мужчин! – презрительно выкрикнула она. – Зачем поехал? Не мог подождать несколько дней? Ладно, согрей-ка воды в горшке. Жан, разведи огонь.

Когда солнце село, на свете стало еще одним паломником больше – родилась маленькая девочка. Она сильно раскричалась, пока Алиса укладывала ее в повозке рядом с матерью. Наутро все они вместе продолжили путь; женщины ехали с детьми в повозке, а Жан шел впереди, ведя пса на веревке.

Маленький Петр двигался к Кёльну, с ним шла целая армия паломников, опустошавшая местность не хуже саранчи. Правда, у него появились богатые сторонники, поэтому ехал он в повозке, имел серебряные деньги и мог покупать продовольствие. Но какую бы цену ни приходилось платить, немного оставалось на долю тех, кто проходил там после, спеша догнать Петра. Стараниями пестрой толпы, следовавшей за Жаном, мука в его мешке скоро закончилась. Наступило время знамений и чудес. В небе возникали огромные облачные дворцы. Падали кометы. По ночам из леса доносился визг демонов, сожалеющих о потерянных для них душах грешников, защищенных силой креста. Набожные юродивые демонстрировали кресты, оставленные на их коже небесными ангелами. В каждой деревне, куда они заходили, знак на шкуре собаки вызывал удивление. Сила Божья лежала на этом псе, и люди замечали, что он шел на шаг впереди Жана, будто вел его за собой.

Жан шагал как во сне, устремив светлые глаза вперед, на золотые башни. За ним, ведя волов в поводу, шел Вальтер. Алиса ехала в повозке с Бертой, Маргаритой и малюткой. Мальчики делали что хотели, обычно они держались поближе к ослу, на котором ехал плут и жулик по имени Ламберт. Он бы набожным человеком – умел насвистеть веселый мотив, но петь отказывался, поскольку дал зарок не петь больше песен с такими дурными словами.

Они двигались тем путем, какой указывал Ламберт, успевший уже немало побродить по свету. Он умело направлял их по большому кругу в стороне от дороги, по которой прошла армия Петра. Когда они подходили к деревне, он посылал мальчиков просить милостыню от имени пса с чудесной отметиной. Окрестив их группой Отрядом Пса, Ламберт начал про запас собирать дань в натуральной форме с тех, кто желал совершить путешествие под святым покровительством. Отряд вырос с двадцати человек до ста, затем прибавилось еще сто, появились выючные животные, стадо овец, несколько гусей, палатка для Ламберта, еще одна для Жана и пса, кошелек с деньгами. Если Жан и замечал, как растет его процессия, то не придавал этому значения. Он редко говорил с кем-либо, кроме Алисы.

– Долог путь в Иерусалим, – заметил он однажды, – но это забудется, как только мы туда попадем.

– У Маргариты молоко кончается, – сказала Алиса.

Жан даже не ответил. Он уже захрапел.

Отлучив от груди маленькую Берту, Алиса начала кормить младенца, а Маргарита целый день пролежала в повозке, и каждое движение давалось ей с трудом.

– Никогда я не буду в Иерусалиме, – прошептала она как-то вечером.

На следующее утро ее нашли мертвой. Вальтер зарыдал над телом, а Жан сказал, что она уже попала в Иерусалим и они встретятся с ней там. Алиса поинтересовалась, как они смогут ее узнать, если земное тело будет лежать в земле, в месте, название которого им было неизвестно.

– Она нас узнает, – уверенно ответил Жан.

В ближайшей деревне Маргариту похоронили по-христиански, там же священник окрестил малышку, дав ей имя Мария. После полудня отряд продолжил свой путь, а на следующий день Вальтер пришел в себя и, как обычно, посвистывал волам.

Маленький Петр расположился лагерем у Кёльна, людей там собралось больше, чем, по предположению Жана, их насчитывалось во всем мире. Там были голоногие шотландцы из-за моря, нормандские пираты, немцы, бретонцы, люди дикого вида, не говорившие ни на одном из известных языков. Целые деревни бросали дома и шли за Петром, некоторые делились своими запасами, другие держались обособленно, некоторые укрывались от дождя в палатках, другие жались под навесами из дерна или соломы, третьи спали под телегами. Шум, издавае-

мый детьми, животными и женщинами, разносился далеко по всей округе, и повсюду валялись отбросы.

Среди этой толпы двигался Маленький Петр, оборванный и грязный, как всегда. Меховой крест у него на одежде наполовину облез, и Петр подмалевал его раствором, применявшимся против блох, после чего крест приобрел красноватый оттенок. Когда он приближался к группе людей, все бросались на колени и просили у него благословения, как у святого. Стремясь приблизиться к нему, они так боролись между собой, что стражники, окружавшие ехавшего на осле Петра, рисковали оказаться затоптанными. Слезы струились по заросшим щекам, дрожащие руки тянулись к Петру.

– Молись за меня, Маленький Петр! Благослови меня! Вспомни обо мне на небесах!

Тогда Петр вскидывал руку вверх, и падала тишина. Он рассказывал им о святых, с которыми они должны встретиться, о прекрасной одежде, которую они будут носить, об исцелении скрюченных рук и ног, слабых глаз и отвратительных болезней. Он не скрывал, что предстоял долгий путь, на нем их подстерегали голод, дикие звери и злые люди. Пусть каждый мужчина вооружится, говорил он, возьмет нож, рогатину, шишковатую дубину. Бог их не оставит, приведет в Землю обетованную, хотя бы все дьяволы ада преграждали им путь. Петр поворачивался к восходящему солнцу, вслед за ним поворачивались остальные и смотрели в сторону горизонта, за которым лежал Иерусалим, золотой град Божий.

Тем временем Петр выбрал людей, которым поручалось обойти весь лагерь и обязать каждую семью присоединиться к какой-либо группе. Хлеба хватало на всех, поскольку богатые жители Кёльна и расположенных вокруг городов во славу Божию выделили много зерна. И воды было довольно – отбросы, навоз и стирка одежды не загрязняли такую быструю реку, как Рейн.

В лагере встречалось много злых людей, но присутствие пса защищало весь отряд. Никто не осмеливался рассердить его, ибо с ним был Бог. Алиса не отходила далеко от своей палатки, кудахча над детьми, как курица над цыплятами, но Робера и Бартольфа очень испортили недели, проведенные в праздности, и она не могла за ними уследить. От Жана, постоянно погруженного в мечты, помощи ждать не приходилось.

– В этом мире люди такие злые, – говорил он, – но в раю все будет иначе.

– Ты должен посадить Бартольфа на привязь, – предложила Алиса. – Как только я поворачиваюсь к нему спиной, он исчезает, а это место не годится для прогулок семилетнего мальчика.

Она нашла подходящую веревку и взяла с Жана обещание задать сыну порку, но, когда наступила ночь, Бартольф к ним не вернулся.

В поисках сына Алиса намеревалась обойти весь лагерь, но Жан крепко взял ее за руку и не позволил уйти. Это было бы сумасбродством – женщине выйти из палатки ночью. Бог защитит Бартольфа и в конце концов приведет его в рай. Эта жизнь не имела никакого значения.

Всю ночь Алиса проплакала, и даже новая женщина Вальтера, сама потерявшая ребенка, не смогла ее утешить. Утром Жан отправился на поиски, с ним пошли Ламберт и другие мужчины из их отряда, но Бартольф как в воду канул.

– Бог о нем позаботится, – сказал Жан, но даже он выглядел расстроенным, а лицо Алисы покрылось морщинами, как у старухи.

Алиса привязала Бертю веревкой к своему поясу и заставила Жана надеть на пса двойной поводок, чтобы в пути он мог держать один его конец, а Робер – другой. О Бартольфе она перестала говорить, но у нее появилась привычка пристально вглядываться в толпу, пытаясь его высмотреть. Однако с тех пор она его больше не видела.

Петр и его армия двинулись через Германию, когда все луга пожелтели от первоцвета, а в лесу появились колокольчики. Для людей, привыкших к тяжелому труду, поход стал настоящим праздником. Из-за детей и скота они не могли двигаться быстро, и на остановках Отряд Пса громко затягивал гимны, которым их научил Ламберт. Жители встречавшихся на пути

городов, опасаясь грабежей, щедро одаривали их хлебом. Животные вытаптывали и объедали пшеницу, поэтому местные крестьяне осыпали их проклятиями, но Ламберт говорил, что они получают по заслугам за свою жадность. Не решились присоединиться к паломникам и теперь станут добычей дьявола. Раз так, путники не упускали случая стащить жирного гуся. Некоторые члены отряда превратились в самых настоящих воров, и еда у них стала вкуснее.

В дождь дела обстояли хуже. Не все могли где-то укрыться, и очень не хватало хвороста или кустарника, чтобы устроить ложе, поэтому многие спали на мокрой земле. В лагере началась дизентерия. Алиса кашляла, а маленькая Мария постоянно кричала. Жан считал ее обузой, ему казалось, с матерью в Иерусалиме ей было бы лучше, но Алиса после исчезновения Бартольфа привязалась к малышке, находя в ней утешение. Совсем скоро путь следования армии можно было определять по отставшим больным и телам умерших, брошенных без погребения. Но Петр продолжал идти вперед, а пес вел за ним Жана.

К тому времени, когда они добрались до Венгрии, их отряд перестал быть толпой. Грабежи не обходились без стычек, и они осознали, что необходимо вооружиться. Богобоязненные люди, встречавшиеся на пути, ради спасения своей души предлагали оружие и доспехи, тогда как многим не столь набожным приходилось совершать это благодеяние под принуждением. Иногда на добытом таким образом оружии оставалась кровь бывшего владельца. Ламберт нашел профессиональных наемников и уговорил их обучить отряд военному ремеслу. Даже у Жана появился меч, а свой нож он на всякий случай отдал Алисе.

В Венгрии города попадались реже, и поэтому не хватало хлеба, которого прежде они получали вдоволь из вместительных печей. Увидев, по каким богатым землям пролегал их путь, они перестали беречь свой скот. Даже волов Вальтера уже съели, и шкур хватило на новую обувь для всех. Алиса шла, привязав ребенка к спине, маленькая Берта ехала на ослике между корзинами.

В этих краях было принято собирать урожай в скирды и молотить зерно по мере надобности. Повсюду в полях стоял хлеб, всякий мог его взять, протереть колосья и приготовить что-то вроде каши. Но это была кропотливая, противная работа, и варево, получаемое в результате, не всякому приходилось по вкусу. Однажды Ламберт со своими людьми внезапно напал на деревню, захватил молотилку и обработал колосья на глазах у хозяев.

Все могло кончиться хорошо, поскольку проклятия местное население бормотало на варварском языке, а вооружением оно значительно уступало людям Ламберта. Однако оказалось, что в тех местах варили крепкое пиво. Поэтому день, начавшийся с посещения молотилки, закончился пьяной свалкой, во время которой паломники вытаскивали из домов деревенских девушек и разбивали головы деревенским мужьям, чтобы те сидели спокойно. Полетели камни, один попал Ламберту в бок и сбил с ног. Пилигримы достали из ножен мечи, крестьяне сбегали по домам за косами и серпами. В конце концов люди Ламберта отошли, забрав своего предводителя и оставив после себя трупы на улице и горящие дома.

С тех пор путь армии был отмечен столбами дыма. Маленький Петр ходил по всему лагерю и проповедовал сдержанность, но Ламберт заявил, что святые люди должны предоставить возможность сражаться тем, кто знает в этом толк. Паломников убивали каждый день, по ночам приходилось выставять сильную охрану, чтобы оказывать достойный отпор бандам разъяренных крестьян.

Если бы Жан слышал слова Ламберта, он бы с ними не согласился, но в тот момент он вместе с собакой отправился на поиски священника, так как в отряде не было ни одного. С малышкой Марией сделался припадок, и лицо ее посинело. Вскоре она вовсе перестала дышать. Похоронить ее на освященной земле не удалось, но священник помолился и сказал, что она безусловно оказалась вместе с матерью. Священник был хорошим человеком, он расспросил Жана об отряде, имевшем, по его словам, дурную славу. От удивления Жан широко распахнул голубые глаза.

– Все они паломники, идут в Иерусалим, – ответил он.

Священник посмотрел на Жана и вздохнул:

– Благочестивый Петр беспокоится, ведь они убивают христиан.

Жан побледнел и промолчал, поскольку не привык спорить. Но когда армия пошла дальше, он обратил внимание на храмы, заметил несколько придорожных крестов и открыл для себя, что они действительно проходили по христианской стране. Он сказал об этом Ламберту.

Страдавший от боли в груди из-за двух сломанных ребер, Ламберт ответил зло.

– Ты ведь ешь, что мы приносим, но остаешься в лагере с женщинами, – рявкнул он. – Что вы с Маленьким Петром понимаете в военном деле?

В тот вечер Жан есть не стал, на следующее утро – тоже. Алиса решила, что он заболел, и заставляла его взять еду. Наконец, заламывая руки, она взмолилась:

– Если ты упадешь по дороге, что станет со мной и детьми?

Жан обдумал ее слова. Ему не приходило в голову, что он может не попасть в Иерусалим живым, об Алисе он также прежде не беспокоился, полагая, что все в руках Господа. Но даже своим рассеянным взглядом он многое замечал в армии, слышал рассказы, но не передавал их Алисе. Взяв из ее рук пищу, он поел. После этого случая всякий раз, вспомнив о ней, он искал ее глазами и подзывал к себе.

В спешке они переправились через реку Саву и вступили в Белград. Это была уже территория императора Алексея. К тому времени все знали, что направлялись они в город Константинополь – отдохнуть и набраться сил, прежде чем вступать на землю неверных. Но войска императора заставили переправиться, попытавшись прижать их всех к одному броду, в результате произошло сражение, в котором пленных не брал никто. Паломники ворвались в Белград, заставив жителей спасаться бегством, и разграбили город.

Уходили они из горевшего города. Алиса прихватила крестьянский плащ и прикрыла свои лохмотья, выглядевшие уже совсем непристойно. Армия снова разбогатела достаточно, чтобы покупать продовольствие. Частично по этой причине, но также и потому, что властитель провинции собрал значительный гарнизон, у них не возникло никаких проблем, когда они достигли Ниша. Маленький Петр оставил залог и заплатил за муку настоящими серебряными монетами. В лагере установили большие печи, и все пекари Ниша пришли делать хлеб.

– Нужно смолоть наше зерно, – сказал Ламберт.

У отряда тогда было несколько собственных мешков, которые везли на ослах. Ламберт собрал вооруженных людей, и они поскакали к реке позаботиться о деле.

Армия уже выступила в сторону Софии, как всегда беспорядочно, на мили растягиваясь по дороге. Когда арьергард стал собираться в путь, женщины и дети из Отряда Пса, ждавшие Ламберта, забеспокоились.

С реки послышались вопли. От мельниц поднялись клубы дыма. Арьергард сразу же заволновался, раздались крики: «Предательство!» Во весь опор, с окровавленным мечом прискакал обратно Ламберт и послал на дорогу гонца остановить армию. Самые горячие головы, многие из которых относились к Ламберту с уважением, собрались вокруг него, готовые броситься выручать своих товарищей. Уже было заметно, как сильно горят мельницы, отбрасывая в небо огромные языки пламени. Кучки людей бились на берегу или отступали в сторону лагеря. Ламберт сформировал кавалерийский отряд на пони, ослах, мулах, даже на волах и повел его в наступление.

Они спасли Отряд Пса, рассеяли горожан и на том могли закончить сражение. Но пешие воины, которым давно не нравился Маленький Петр как вождь, начали кричать, что преподадут жителям Ниша хороший урок. Хлынув вперед, они ринулись к стенам города и стали нападать не только на тех, кто бежал от мельниц, но и на мирных горожан, осмелившихся выйти за ворота поглазеть на происходящее.

Атака была настолько внезапной, что местным жителям не удалось закрыть восточные ворота из-за потока людей, в панике устремившихся вернуться в город. На башнях не оказалось никого, кроме нескольких часовых; и обезумевшие горожане мешали воинам объединиться.

В городе воцарилась полная неразбериха, однако в крепости правителя находился отряд, набранный в степях Южной России. Эти представители кочевых племен ездили на лохматых низкорослых лошадях, одевались в овчину, были вооружены короткими копьями, луками, ножами и с детства были приучены воевать. Именно их отправил правитель через другие ворота, и они, проскакав вокруг городских стен, стремительно напали на толпу паломников.

Раздались вопли ужаса. Люди бросали оружие и пытались бежать, но к Нишу возвращались основные силы. Выдвигаясь на помощь, они надавили на арьергард, превратив его в беспомощную массу перед опьяневшими от убийств кочевниками, чьи руки по локоть покраснели от крови.

Алиса и Жан скорчились позади повозки, служившей заслоном для охваченных паникой людей, топтавших друг друга под натиском осатаневших кочевников. Жан привязал пса к поясу. Алиса склонилась над Бертой, прикрыв ее телом. Их хрупкое укрытие трещало и раскачивалось под ударами.

Один человек вскарабкался на повозку и прыгнул вперед на плечи сгрудившейся толпы. За ним последовал другой, третий. Алиса закричала. Жан потянулся к ней, но истлевшая ткань ее платья разорвалась в его руке. Под тяжестью толпы повозка рухнула, и Робер откатился в сторону. Жан попытался его удержать, и ему удалось схватить Робера за руку. Перепуганный пес отчаянно царапал и грыз всех подряд, и ему чудом удалось освободить проход. В эту узенькую отдушину давление вынесло Жана, но Алиса и Берта, оказавшиеся на земле под ногами толпы, оказались в Иерусалиме раньше его.

Через несколько недель Жан хмуро смотрел на стены Константинополя. Царьград блестел в горячем, сухом воздухе, и дым его труб поднимался ввысь, словно дым из ада. Паломники расположились лагерем; поскольку в это же место прибыло несколько других отрядов, лагерь оказался таким огромным, как никогда раньше, несмотря на значительные потери в Нише. Появились рыцари и всадники на лошадях, правда, их было немного, так как феодальные сеньоры не торопились собирать свои войска. Маленький Петр говорил, что они должны ждать сеньоров, но прибытие самых могущественных задерживалось, видимо, до конца года. Жану не терпелось попасть в Иерусалим, где у золотых ворот в синем платье его уже ждала Алиса.

С гибелью в Нише Ламберта и большинства воинов Отряд Пса стал совершенно другим. Женщины, выжившие в давке, вскоре разбрелись в поисках новых покровителей. Однако странные истории ходили в лагере по поводу спасения Жана. Люди все еще жаждали знамений и чудес, хотя стали более осторожными после множества случаев разоблаченного мошенничества. В Жана, который постоянно оборачивал взгляд к небу, верили, поскольку он ни на что не претендовал. Ему совали милостыню, привлекая внимание калек, больных и бедных людей. Эта толпа теперь ходила за ним по пятам, попрошайничая для него, а заодно и для себя, и рассказывая истории, приукрашенные Робером, в котором открылась тяга к хвастовству.

Привычный к тяжелому труду, Жан воспринимал поход как праздник, но пребывание без всякого дела в пыльном лагере, под палящими лучами солнца его раздражало. Многие паломники, находившиеся в схожем настроении, отводили душу, устраивая ссоры с горожанами или воруя. Император Алексей ежедневно увещевал Петра и других вождей, а они довольствовались тем, что сваливали вину друг на друга.

Однажды Жан поднялся с собакой на гребень горы, чтобы посмотреть на Золотой Рог, знаменитую бухту, через которую прибывало все богатство Востока. В ней стоял такой густой лес мачт, что все собравшиеся здесь паломники, многие тысячи людей с животными и утварью,

могли прямо сейчас уплыть через проливы. Но император советовал ждать, и Маленький Петр говорил, что нужно иметь терпение. Жан вздохнул.

Пес выдернул веревку из руки Жана и погнался за кроликом. Овечье стадо одурело от страха и с глупым блеянием разбежалось перед ним во все стороны. Пастух предостерегающе что-то выкрикнул, швырнул камень, попал в собаку и сбил ее с ног. Животное не поднималось, и пастух побежал к нему, подняв палку с железным наконечником, явно имея намерение его добить.

Жан промчался по пастбищу и встал перед лежавшим псом с обнаженным мечом в руке. Пастух позвал друзей, Жан крикнул паломникам, стоявшим на гребне, и они побежали к нему. Враждебность, накопившаяся за долгие дни, выплеснулась в драке, в которой лучше вооруженные паломники имели преимущество. Они погнали пастухов вниз с горы, оставив Жана рядом с собакой. Ощупав ее ногу, он обнаружил, что она сломана.

Вдоль берега Золотого Рога выстроились виллы, и летом сюда, поближе к морскому ветерку, приезжали из города богачи. Исаак Комнин, брат императора, владелец всех этих овец, пастбищ и большей части горного склона, привлеченный звоном оружия, вышел из дому, как был, в шелковой одежде, прихватив с собой только меч. Увидев, что творится рядом с его домом, он громко позвал стражу. Затем, смело выйдя вперед, он прокричал по-французски приказание сдаться.

Никто из паломников не знал его имени, но им не составило труда сообразить, что они прогневили могущественного сеньора. Если б их схватили, то, скорее всего, вздернули бы на виселицу. Привыкшие в подобных обстоятельствах чинить грабеж и беспорядок, они недолго думая подожгли кустарник на склоне, чтобы прикрыть свое бегство. Был июль, стояла сушь, и огонь вспыхнул моментально. Раздутый слабым теплым бризом, он быстро перекинулся на виллу.

Когда император Алексей узнал от брата о случившемся, его терпение лопнуло. Император не нуждался в беспорядочной толпе, да и сеньорам войск, чье прибытие все задерживалось, от нее было бы мало толку. А между тем эти паломники не уважали царствующую фамилию, дворец его брата и даже храмы благословенных святых. Они воровали свинцовые пластины с церковных крыш рядом со своим лагерем.

– Пусть уходят, – досадливо произнес император. – Пусть отправляются через проливы грабить турок, попытают счастья.

Тем не менее он попытался внушить Петру, которого считал мудрее остальных, что до весны толпа должна продержаться в укрепленном месте. Это место называлось Сиветот, там, на побережье Малой Азии, находился старый лагерь, его было удобно снабжать продовольствием из Константинополя.

В Сиветоте паломники разместились с трудом. Жан стал восстанавливать стены, и ему это понравилось – все же какое-то занятие. Он не мог понять, зачем они остановились, ведь Маленький Петр обещал, что Бог защитит их от неверных. А идти было так замечательно просто: ставишь одну ногу перед другой и оказываешься на один шаг ближе не только к Алисе, но и к Деве Марии, золотым воротам и всем ангелам. Жан не говорил об этом ни с кем, кроме Робера, и даже ему он всего лишь пробормотал:

– Это так просто – идти дальше.

В душе Жан ненавидел лагерь в Сиветоте, с западной стороны выходивший к морю, а с востока отгороженный горной цепью. Там не разговаривали ни о чем, кроме возможности пограбить, особенно после того, как несколько тысяч человек отважились отправиться в рейд и вернулись с тяжелым грузом. Жан мрачно выслушивал пьяные рассказы, как паломники пытали пленников и поджаривали младенцев живьем на походных кострах.

Испытывая отвращение ко всему происходящему в лагере, Маленький Петр вернулся в Константинополь. Когда он пытался проповедовать, выкрики из толпы мешали говорить, даже

Жан ему больше не доверял. Пройдя с ними половину пути по миру, Петр не повел их против неверных. До весны оставалось еще полгода. Алиса и Жан вместе отправились в путь в апреле, и теперь она, наверное, терялась в догадках, почему он все не идет.

Возбуждение в лагере нарастало. Некоторые говорили, что отряд немцев захватил Никею, богатейший город этих мест, полностью разграбить который просто невозможно. Им тоже хотелось принять в этом участие. Другие рассказывали об армии турок, двигавшейся в их сторону, и требовали выйти ей навстречу и во имя Святого Креста поразить неверных. После большого шума, поднятого обеими партиями, им удалось договориться о выступлении из лагеря на следующее утро; боеспособные мужчины уходили, а женщины, дети, инвалиды и трусы оставались в Сиветоте до окончания сражений.

Они собрались в нестройные отряды, приблизительно двадцать тысяч человек. Примерно десятка два рыцарей в доспехах и с полным вооружением ехали верхом во главе войска, за ними вооруженные всадники в количестве ста человек, если не больше. Далее шли пешие подразделения, прошедшие подготовку к сражению. После них следовали легковооруженные воины, и в самом хвосте двигалась толпа, сопровождавшая груженых провизией ослов.

Отправился с ними и Жан, счастливый уже оттого, что они снова шагали на восток. Кто-то дал ему кожаную шапку и куртку-безрукавку, и у него был меч, болтавшийся на веревке, перекинутой через плечо. Меч стал для него привычным атрибутом, хотя еще недавно казался ему слишком длинным и неудобным в использовании. Жан шел с толпой, потому что воинственный Отряд Пса больше не наступал ему на пятки. Даже Робер остался в лагере на попечении Вальтера, раненного в руку уколom меча и неспособного участвовать в сражении.

Стоял ясный октябрьский денек, настроение у всех было приподнятое. Те, кто ехал в крытых повозках, играли мечами, подбрасывая их в воздух и пытаясь поймать. Отряды распевали песни, первоначально имевшие божественные тексты, но в конце концов превратившиеся в обычные сальные куплеты.

Их путь лежал через горный перевал, расположенный в каких-нибудь трех милях от Сиветота. Но раньше, чем все они, не соблюдая, как обычно, никакого порядка, продвинулись в глубь ущелья, на горах впереди и позади их показались турки. Они выпустили огромное число стрел, сбив с лошадей всадников в доспехах и быстро посеяв панику среди разрозненных отрядов. Шедшая позади толпа не вся попала в окружение, она развернулась и побежала. За ней понеслись турецкие всадники, и началась резня.

Люди погибали на перевале и в долине всеми мыслимыми способами. Едва ли тысяча человек спаслась и была вывезена обратно в Константинополь на императорских кораблях. На равнине среди охваченной паникой толпы туркам встретился невысокий, кривоногий, согбенный мужчина с собакой, продолжавший брести на восток. Они разомкнули свои ряды и пропустили его, поскольку уважали людей, которых явно коснулась рука Аллаха, наградив безумием. Жан двигался вперед, на перевал, где на тысячи ошеломленных, попавших в ловушку людей падали тучи стрел.

Одна из них попала в пса; он упал, корчась, пытаясь укунить стрелу, торчавшую в боку. Жан наклонился над ним. Еще одна стрела пронзила ему спину, и он рухнул вперед, вывернув голову, словно по-прежнему не мог оторвать глаз от востока. В то же время турки ворвались в Сиветот и продолжили резню там. Вместе со всеми больными и калеками погиб Вальтер, а мальчиков вроде Робера оставили в живых, чтобы превратить в рабов. Несколько дней спустя они двинулись на восток, прошли мимо тысяч тел своих соплеменников и навсегда пропали для христианского мира.

Так закончился крестовый поход Маленького Петра, но сам он проехал на осле этим же путем весной с могущественными сеньорами и их армией. От лежавших на земле костей равнина побелела, и для подсчета потерь были сложены высокие горы из черепов. Армия снова обосновалась в Сиветоте, заново воздвигла каменные стены. Кости погибших перемалывали,

превращая их в строительный раствор, или складывали вместо булыжников между камнями. Таким образом, Жан и его пес смогли наблюдать за паломниками, чей поток продолжал течь с запада к Иерусалиму. Маленький Петр отправился с ними, чтобы осуществить свою мечту.

Завоеватели *1096–1099 годы*

Робер де Сент-Авольд был самым высоким рыцарем в Лотарингии. В этом герцогстве у честолюбивых молодых людей было принято испытывать себя, вызывая всех желающих на поединок к часовне Святого Георгия. Половина всех рыцарей герцогства сражалась на этом месте с различными результатами, но Роберу де Сент-Авольду это сделать так и не удалось. Огласив вызов, он три дня еще надеялся, посвящал свое оружие святому Георгию, сулил ему серебряный подсвечник, хотя с трудом мог себе позволить такой богатый дар, но все было тщетно. Не нашлось настолько безрассудного храбреца, который отважился бы выступить против него.

Робер хвастался этим случаем, сбрасывая с огромных ушибов пивную пену жестом, за которым пытался скрыть тревогу. Как безземельный младший сын, он вынужден был надеяться лишь на силу своей правой руки. Он был достаточно здравомыслящим человеком, чтобы понимать: бескровная победа ничего ему не дает.

Когда Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, стал крестоносцем, он послал за Робером, доводившимся ему дальним родственником, и предложил место среди рыцарей в своей свите. Будучи сам высоким мужчиной, Готфрид не опасался проиграть в сравнении с огромной фигурой своего вассала. Напротив, он был рад иметь среди сопровождающих столь величественного воина.

От радости Робер едва не расплакался. Целую ночь преклонял он колени в часовне Готфрида, изливая свои чувства святому Мартину, также бывшему солдатом. Его сердце просто разрывалось – так он жаждал приключений, желал доказать свою значимость и заслужить место среди великих людей. Никогда он не надеялся, что все это будет предложено ему в армии Бога и всех его святых и что, осуществив то, чего ему более всего хотелось на земле, он может также покорить небеса. Со страстью он дал святому Мартину торжественный обет, пообещав атаковать неверных раньше всех остальных доблестных рыцарей в армии. На следующее утро, чтобы быть достойным чести принять крест, он прежде всего исповедался и получил отпущение грехов. Несколько месяцев спустя, в то время когда Маленький Петр уже достиг Константинополя, счастливый Робер де Сент-Авольд выехал за своим господином на поиски счастья.

Путешествие сопровождалось множеством знамений и чудес, они свидетельствовали, что Бог постоянно был с ними. Робер не ожидал, что и ему святые подарят видение, ведь для этого было так много набожных священников. Но его мечты укрепили веру, и он видел падавшие

звезды и облачные образования, которые называли ангельскими отрядами. Славно было ехать в армии Божьей к воплощенному земному блаженству – Его Священному Граду.

Могущество креста не упростило задачу командования экспедицией. Рыцарям свиты потребовалось немного времени, чтобы присмотреться к своему сюзерену. Герцог Лотарингский был набожным христианином и рыцарем, высоким, светловолосым и красивым, но не был настоящим вождем. Когда герцог не понимал, что нужно делать, он оставлял других гадать о его намерениях, но в то же время ревниво, как и любой слабый человек, оберегал свою власть. Он предпочитал, чтобы его сторонники были глуповаты, и испытывал слабость к Роберу де Сент-Авольду, который из-за своего роста, громохочущего голоса и всегда хорошего настроения казался недалеким. Робер стремился служить и отвечал преданностью, на которую личные неудачи Готфрида никак не влияли. В самом деле, он чувствовал себя защитником своего господина, и особенно в те дни, когда армия прибыла в Константинополь.

Никому из них не понравились жители Восточной империи.

– С какой стати они так высокомерно смотрят на нас? – недоумевая спрашивал Робер у Жильбера де Турне, одного из самых молодых рыцарей из отряда Готфрида. – Им не хватило мужества защитить Божью Землю от неверных, и теперь, когда я их вижу, меня это не удивляет. – Он стоял на углу улицы Месе и Бычьей площади, хмуро глядя на катившуюся мимо карету, сопровождаемую пешими слугами в тюрбанах; находившаяся в карете накрашенная женщина надменно смотрела на него. – Я что, должен уступать им дорогу? – Расправив плечи, он стоял, как огромная скала, и всему бурному в час пик потоку экипажей приходилось объезжать его и разделяться надвое.

Жильбер де Турне обиженно смотрел вверх на колоннаду улицы Месе, с ее темными торговыми лавками, полными товаров, побуждающих к грабежу.

– Будь у меня сейчас за спиной полроты, я бы заставил попрыгать этих торгашей!

Со свирепым видом он положил руку на меч, и проходивший мимо коротышка в испуге отшатнулся от него. Жильбер засмеялся и сплюнул себе под ноги.

– Ты не должен этого делать при дворе, – проворчал Робер, с неудовольствием вспоминая императора Алексея, чья золотая парча, алые сапоги и сверкающие драгоценности произвели на него раздражающее впечатление. – Все они такие высокородные, такие надменные, что в их присутствии неудобно даже откашляться. Но когда дело доходит до продовольствия, выючных животных, осадных машин, проводников или кораблей, оказывается, что ничего не готово. Они же сами просили нас сюда прийти, разве не так? – Он с трудом сдерживал гнев.

Император был спокоен. Он показал свою щедрость, раздав герцогу Готфриду и его вассалам богатые подарки. Однако продовольствие поступало медленно, дать корабли он обещал, но в неопределенном будущем. Когда Готфрид неуклюже пытался использовать армию, чтобы сократить сроки, император вовсе перестал давать продовольствие и подтянул на защиту города наемников. Готфрид был вынужден уступить и оказать Алексею почести, как сюзерену всех земель, которые они могли завоевать.

Из-за проволок армия была беспокойна. В своем воображении эти люди уже одерживали невероятные победы. В мгновение ока с Божьей помощью они оказались бы в Священном Граде, где Робер поклялся зажечь свечу перед Гробом Господним. Другим его пожелание казалось чересчур скромным.

– Десятую часть нашей добычи у язычников – Граду Божьему! – вскричал Гуго Гростет, и его маленькие глазки загорелись при мысли о неисчислимых богатствах.

– И десятую часть добычи в Константинополе! – добавил Жильбер де Турне, опьянев от греческого вина.

Эта реплика была встречена одобрительным ревом. Они уже награбили в пригородах столько, что открыли в лагере рынок, где продавали добро прежним владельцам. Некоторые

кошельки наполнились золотыми монетами – безантами, – но многие обнаружили, что горожане быстро научились их обманывать и оставлять без барышей.

– Вороватые негодяи! – бормотал Гуго Гростет, в очередной раз наполняя серебряную чашу, прихваченную им в часовне Святого Варнавы.

Никто так не жаждал отъезда варваров, как сам император, но он решил, что сначала благородных вассалов нужно заставить принести ему ленную присягу. Они собирались завоевать земли, принадлежавшие когда-то ему, и он намеревался восстановить свое господство сейчас или никогда. Вассалам Готфрида будет трудно отказаться от клятвы, которую дал их господин.

Командование армии подчинилось, продолжая негодовать. Опасались дальнейшей задержки, поскольку воины объявили: или они идут дальше, или садятся на корабли и плывут домой. Хотя вассалов Готфрида душила ярость, они на коленях присягнули на верность Алексею.

Со своей стороны император был весьма любезен. С обходительностью, невозможной по отношению к его собственным подданным, после принесения клятвы он поднялся с трона и подошел к герцогу Готфриду и его брату, графу Балдуину.

Робер де Сент-Авольд посмотрел на своего раскрасневшегося господина, его насупленных вассалов, неловко сбившихся в кучку, и на придворных в шелковых халатах, не обращавших на них никакого внимания. Что-то нужно было делать, и он посчитал, что это дело для него.

– Наблюдай за мной! – пробормотал он сквозь усы Жильберу де Турне.

Неспешным шагом он вышел вперед, поднялся по ступеням трона и сел на него.

За пронесшимся по залу вздохом наступила тишина, в которой застыли потрясенные придворные, уставясь прямо перед собой и делая вид, что ничего не произошло. Сам Алексей по выражению лица герцога Готфрида понял: что-то случилось. Он повернулся и узрел на своем месте огромного франка. Слегка подняв брови, император ждал.

Герцог Готфрид лишился дара речи, но его брат Балдуин, помрачнев так, что лицо стало почти одного цвета с его черными волосами, имел более быстрый ум.

– Встань, как не стыдно! – резко сказал он. – Ты ленник императора, а оскорбляешь его!

Робер взглянул на Готфрида и, решив, что доставляет ему удовольствие, глупо ухмыльнулся:

– С какой стати один мужик сидит, когда все остальные стоят?

Он вытянул ноги и положил руки на подлокотники трона, рассудив, что ему это место подходит лучше, чем Алексею.

– Так принято в этой стране, – сказал Балдуин. – Встань! – отрывистым от гнева голосом потребовал он.

Робер поднялся. Он не осмеливался продолжать спор с графом Балдуином и, кроме того, уже достиг своей цели. Ход церемонии был нарушен, и не все прошло так, как задумали люди с Востока. Один из придворных застал Робера врасплох, когда похлопал его по плечу и подвел к императору. Алексей спокойно и даже с любопытством воспринял его дурные манеры, а Роберу не хватило твердости, чтобы высказать все, что он думал. Тогда он прибегнул к хвастовству и, запинаясь, заявил, что он лучший из воинов и дал обет показать это на турках. Вот именно, в часовне Святого Георгия у себя на родине... Фамильным жестом он поправил усы и откашлялся.

Алексей выслушал его до конца, улыбнулся пренебрежительно, как это умели делать люди с Востока, и умудрился, несмотря на свой карликовый рост, презрительно окинуть Робера взглядом с ног до головы.

– Если ты так стремишься драться, будь уверен, турки тебе помогут.

И он отвернулся. Робер почувствовал себя полным дураком – ему впервые пришлось в голову, что Алексей участвовал во многих сражениях.

Готфрид ничего не сказал об этом инциденте, но другие пили за здоровье Робера, и он внезапно стал знаменит. Популярность ударила ему в голову, особенно после того, как сделалось модным, подражая ему, давать обеты. Группа молодых рыцарей поклялась следовать за ним всякий раз, когда бы он ни бросился в гущу битвы.

Прошло еще какое-то время, пока другие армии, прибывавшие морем или сушей, собирались под предводительством Раймонда, графа Тулузского, Гуго, брата короля Филиппа, Боэмунда Норманна, епископа Адемара де Пюи и многих других. К несчастью для Робера, рвущегося исполнить свой обет, когда объединенная армия наконец отправилась через Малую Азию, ей пришлось сражаться совсем не так, как представляли себе рыцари. Турки не бросались в бой, как христиане, а предпочитали эскадронами описывать круги на флангах, выпуская стрелы, а когда их колчаны пустели, отходили, уступая место другим. Легковооруженные, верхом на крепких маленьких лошадках, они мгновенно отрывались от рыцарей, одетых в тяжелые доспехи, сидевших на огромных, неуклюжих конях. Робер и его последователи выглядели глупо – стычки происходили одна за другой, взяли Никею, отразили атаку султана, но им не представилось ни одного случая выполнить свои обеты.

А возник удобный случай совершенно неожиданно. Чтобы облегчить снабжение провиантом, армия двигалась двумя подразделениями. Авангард был захвачен врасплох турецкой армией, поджидавшей в засаде на склонах гор, окружающих Дорилейскую равнину. Боэмунд Норманн, командовавший авангардом, срочно послал гонца предупредить остальную часть армии, чтобы она поспешила на выручку. Затем он поставил мужчин в круг, внутри которого собрались женщины, священники, все прочие, кто не участвовал в военных действиях, и приказал защищаться.

Несколько часов им пришлось держаться под градом стрел и палящим солнцем. У очень многих христиан были луки, однако во владении этим оружием они уступали туркам, которые легко могли стрелять по рядам противника с безопасного расстояния. Женщины и невооруженные мужчины поначалу подносили воинам воду, но очень скоро им пришлось забиться под повозки или спрятаться за дополнительными щитами, чтобы хоть как-то укрыться от обстрела. Тем временем христиане расстреляли все свои колчаны, поскольку, считая лук вспомогательным оружием, не возили с собой большой запас стрел.

Робер нетерпеливо ерзал в седле.

– Мы должны приучить их не подходить к нам так близко!

Рыцарь рядом с ним хмуро отозвался:

– Если бы мы могли их догнать!

Не получая отпора, эскадроны турок осмелились приблизиться. Пешие воины, защищенные лишь кожаными куртками, несли большие потери. Даже кольчуги оказались слабы, когда турки стали пускать стрелы с более близкого расстояния. Фыркая, стали валиться на землю лошади. Кричали женщины. Священники падали на колени и громко поручали армию милосердию Божьему.

Сосед Робера поднял руку, отмахиваясь от мухи, и ему под мышку через щель в доспехах вонзилась стрела. Звякнув кольчугой, он сполз с лошади. Все кругом озирались в поисках убежища.

Робер привстал на стремях и поднял копье:

– Вперед! За мной! Дадим туркам урок!

Он ударил лошадь шпорами и с криком понесся вперед; за ним последовала группа молодых рыцарей.

Эскадрон турок попытался рассредоточиться, но было слишком поздно. Робер ударил как молния. Огромный конь и массивный всадник глубоко врезались в ряды наездников, не защищенных доспехами и вооруженных слишком легкими мечами, которые не могли разрубить толстую кольчугу. Копье вырвалось у него из руки, глубоко застряв в теле сброшенного

на землю и затоптанного копытами мусульманина. Тогда Робер выхватил меч. Позади него другие рыцари ревели, как демоны. Сбившись в один запутанный клубок, тяжелые рыцари и улепетывавшие лучники понеслись через равнину, оставляя за собой мертвых и умирающих.

Подъем в гору спас турок. Лошадь Робера замедлила шаг, устав под тяжестью хозяина и его доспехов. Легковооруженные турки на своих выносливых конях отступили, а группа рыцарей осталась у подножия горы. Теперь в них полетели стрелы от эскадронов слева и справа, отрезавших им путь отхода к армии христиан.

Робер повернул лошадь вспять. Его атака была прекрасна, и теперь, считал он, враг поостережется подходить к ним так близко. Между тем ему надо было вести своих людей обратно, пока их всех не перестреляли. Сам он уже был ранен в бедро. Шкура лошади стала скользкой от крови. Он пришпорил ее, пустив неуклюжей рысью, и криком велел остальным следовать за ним.

Пока они пересекали равнину, лошади падали одна за другой. Турки стреляли низко. Когда воин оказывался на земле, они преследовали его тучей стрел, пока он не падал. Остальным рыцарям оставалось пригнуться к седлу и стойко держаться.

Лошадь Робера споткнулась и упала. Он встал на ноги, но стрелы с лязгом застучали по щиту и шлему, и он пошатнулся. Робер отступал, пятась и подставляя противнику защищенную грудь и щит; если бы он зацепился ногой за палку или камень, он бы уже не смог подняться. В боку у него торчала стрела, а кольчуга терлась об нее, отчего каждое движение становилось для него мучительным. Он не осмеливался выдернуть наконечник, опасаясь, что кровь хлынет сильнее. Куда еще он был ранен, Робер не знал и не хотел знать. Пока еще он мог держать меч и щит, поэтому враги, кружившие неподалеку, как стая ястребов, не осмеливались приблизиться к нему.

– Пусть умрет глупец! – в ярости воскликнул Боэмунд, когда несколько рыцарей предложили ему атаковать противника и выручить Робера. – Разве не приказал я всем мужчинам твердо стоять в своих рядах и разве не по его милости мы уже потеряли по меньшей мере два десятка рыцарей? Пусть ни один человек не двигается с места, если не хочет иметь дело с Боэмундом Норманном.

Робер опустился на колени, поставил щит на землю и укрылся за ним. Никто из турок не приближался к нему, все боялись западни. Теперь им вряд ли имело смысл стрелять в Робера. Они снова направили стрелы в ряды христиан, но те приободрились, получив передышку. Еще и слух пробежал, что остальная часть армии уже на подходе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.